

В. И. ДАЛЬ

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ

ЯУЗА

МОСКВА
2024

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Д15

Художественное оформление
Юлии Клименковой (Lokrawn)

Даль, Владимир Иванович.
Д15 Страшные сказки / В. И. Даль. — Москва : Эксмо : Яуза,
2024. — 224 с.: ил. — (Мир легенд, преданий и сказок).

ISBN 978-5-04-200288-5

Владимир Даль (1801–1872) известен прежде всего как автор фундаментального «Толкового словаря живого великорусского языка», но его исследование по русской фольклористике не менее важны для русской культуры.

Столкновения человека с нечистой силой занимают в творчестве Даля особое место. Он не раз обращался к этой теме и делал это так искусно, что вызвал восторг даже у Николая Гоголя!

В этой книге собраны самые страшные истории русского фольклора о нечистой силе: домовые и русалки, ведьмы и знахари, оборотни и моряны, клады и приведения, кликушество и заговоры, гадание и порча – все это нашло отражение в сказках, былинах и притчах России, которые можно назвать одним словом – «страшные».

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-04-200288-5

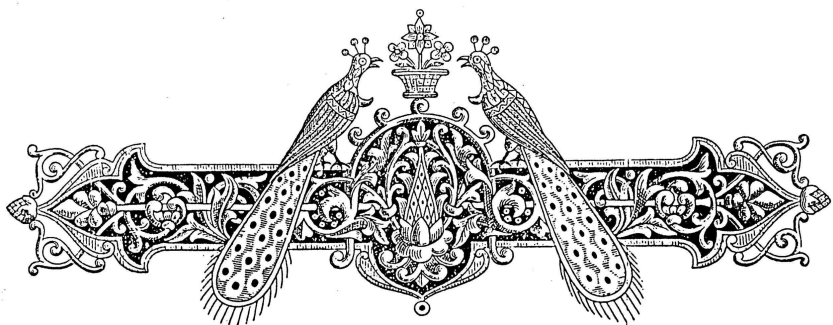
© Клименкова Ю.С. (Lokrawn),
иллюстрации на обложке и форзаце, 2024
© ООО «Издательство «Яуза», 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

О ПОВЕРЬЯХ, СУЕВЕРИЯХ И ПРЕДРАССУДКАХ РУССКОГО НАРОДА

Полевик
Рис. И.Я. Билибина

ВСТУПЛЕНИЕ

Шиллер сказал: «И в детской игре кроется иногда глубокий смысл», — а Шекспир: «И на небе, и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, — то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, — сами верят им втихомолку, или, по крайней мере, из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя — по своей ли вине или по необходимости, по большому уму или по глупости, — но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое — это

го нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суевию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение, или понятие, без разумного отчета основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать. Из этого видно, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собой, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; поему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник подручных в настоящее время запасов¹.

---

¹ Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в «Сказаниях» г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: «Русские суеверия» Чулкова, в которой, впрочем, весьма немного русского.

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о чудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобой своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связанных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет подряд занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, которая новых замысловатых преданий не рождает.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место, — это нелегко. Едва ли, однако же, можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодеваньё умников или бойких над смирными; старание поработить умы самым сильным средством — общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья — остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу,

а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Застращав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразовываться с ними полезно. Эти поверья, бесспорно, должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

За сим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившихся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания — словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть, может быть, только до поры до времени, небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям, или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, — или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонят-

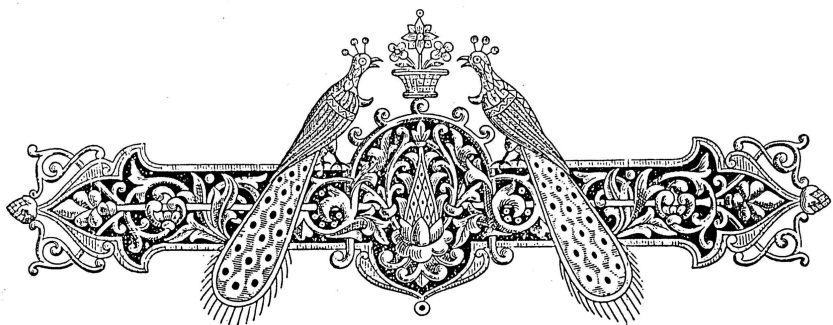
ного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с той только целью, чтобы, пользуясь лежковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собой разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья, без сомнения, можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они, в сущности, принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов поэтических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и само просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, — и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословные лица, о коих мы хотим теперь говорить, возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют, собственно, нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею или обращены из людей, за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву прострел, поражены были громовою стрелою, которая

пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран, — и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны — или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

В. Даль

I. ДОМОВОЙ

Домовой, домовик, дедушка, старик, постень или постен, также лизун, когда живет в подполье с мышами, — а в Сибири суседко — принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубашке; но всегда босиком и без шапки, вероятно, потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опаматоваться, спрашивают домового, когда он щиплется: «Любя или не любя? К добру иль к худу?» —

и достаиваются ответа, а именно: домовый плачет или смеется, гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипаться: выбранит или скажет ласковое слово. Но домовый говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой — к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, — к худу. Иногда домовый просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чем хозяина, и на вопрос «что доброго?» предвещает теми же знаками добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовый погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет, услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скребет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки; иногда он сядет ночью на коня и задает конец-другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побезжкой испорчена; они уверяют тогда, что домовый наездил так лошадь и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает ее: не дает есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчесывай, он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадает с тела. Такая лошадь приплась не по двору, и ее непременно должно сбить. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад либо протащит ее, бедную, в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами. Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть,

если рано пойдет на конюшню, когда еще кучер, после ночной погулки, не успел проспаться и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так, напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные магарычи, то лошадь точно, наконец, взбесилась вовсе, не вынесши мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дробин в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название альп, кошемар, а у нас нет другого, как домовый душил. Он, впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовый иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и сможешь встать. Иные и в это время также спрашивают: «К добру или к худу?», и дедушка завывает глухо: «К ху-уду!» Вообще он более знает с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без

оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клети, сенях, чулане, в порожней половине или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадетя. Перед смертью хозяина он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового в шапке — самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «Хозяин домовый, пойдем со мной в дом». Коли ему полюбитя житье, то станет жить смирно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не слышишь, разве выбранит кого-нибудь или заукает на дворе либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с дровка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья — переломаны либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовый не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно, но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет, однако же, связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере, никто не видал, чтобы домовый ездил на козле. Иные объясняют поверье это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка, которая, в свою очередь, будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесет имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как, напр., лихорадку, — домовый получил столько иносказательных кличек, а в том числе почетное звание дедушки. В некоторых местах дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена или бежит собакой.

Для робких домовый бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовый, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно перед

светом; но кажется, что домовой не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд домовой служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под именем его, катаются всю ночь напролет и заганивают лошадей или воруют и продают овес, уверяя, что домовой замылил лошадь или не даст ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролет возился на чердаке, в сенях и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко, впрочем, и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. Во время последней польской войны наш эскадрон стоял в известном замке, в Пулаве, и домовой стал выживать незваных постояльцев: в продолжение всей ночи в замке, особенно в комнате, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стук, что нельзя было уснуть; а между тем самые тщательные разыскания ничего не могли открыть, нельзя было даже определить с точностью, где, в каком углу или месте домовой возится, — хотя стук был слышен каждому. Плутоватый кастелян пожимал плечами и уверял, что это всегда бывает в отсутствие хозяина, которого домовой любит и уважает, а при нем ведет себя благочинно. Случайно открылось, однако же, что домовой иногда и без хозяина успокаивался, и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшне. Сделали несколько опытов, и дело объяснилось: конюшня была через двор, не менее того, однако же в одной из комнат замка пришлась как-то акустическая точка относительно этой конюшни, и топот лошадей раздавался в ней так звучно, что казалось, будто стук этот выходит из подполья или из стены. Открытие это кастеляну было очень не по вкусу.

В народе есть поверье о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть: должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею простоять в Страстную пятницу у Страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в Светлое воскре-

сенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

II. ЗНАХАРЬ И ЗНАХАРКА

Знахарь и знахарка — есть ныне самое обыкновенное название для таких людей, кои слизывают от глаза, снимают всякую порчу, угадывают о пропажах и проч. Колдун, колдунья, ведун и ведунья встречаются реже и должны уже непременно знаться с нечистой силой, тогда как знахарь, согласно поверью, может ходить во страхе Божием и прибегать к помощи креста и молитвы. Волхв означает то же, что колдун, но слово это в народе не употребительно; даже о колдуне или колдунье слышно уже более в сказках; кудесники и доки местами тоже известны, более на севере, и означают почти то же, что колдун. Ворожея, ворожка относится собственно к гаданию разными способами, не заключает в себе условия чернокнижия, но и не исключает его положительно, почему и говорится: я не колдун, да отгадчик, то есть, не знаясь с бесом, умею отгадывать. Кроме общеизвестных способов гадания на картах, на кофейной гуще, на руке, на воске или на вылитом в воду яйце или топленом свинце, на бобах — отчего родилась поговорка: беду на бобах развести, — есть также гадания по священным книгам, суеверие, выходящее ныне уже из употребления. Гадают также, повесив на веревочку решето и псалтырь, причем то или другое должно перевернуться, если назовут имя виновного.

Несколько лет тому назад один кучер, подозревавший товарища своего, денщика, в воровстве, потребовал, чтобы этот шел с ним к ворожее, жившей у триумфальных ворот, по Петергофской дороге. Пришли, ворожея еще спала; кучер просидел с денщиком за воротами около часу, потом пошел справиться,

не пора ли? Говорят: можно. Он возвращается, зовет товарища — но его нет, и нет по сей день. Струсив ворожеи, при нечистой совести, он бежал и пропал без вести. Для такой же острастки кладут на стол заряженное ружье и велют всем целовать его в дуло, уверяя, что оно вора убьет. Кто боится этого и виноват, тот признается или, по крайности, откажется, под каким-нибудь предлогом, от целования ружья.

Святочные гаданья, представляющие более игры, — также нередко принимаются в прямом значении, и суеверные им верят: строят из лучин над чашкой воды мостик и ставят его под кровать — суженый приснится и поведет по мосту; кладут гребень под подушку, суженый-ряженный почешется и оставит волосок; ставят два прибора, в бане, девушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставят зеркало и две свечи, девушка сидит перед ним и должна увидеть суженого; бросают башмачок за ворота: куда ляжет носком, туда идти девушке; кормят курицу счетным зерном, насыпают перед каждым гостем овес, пускают петуха, и к кому он подойдет, тому идти замуж или жениться; накрывают приборы по числу гостей и подкладывают разные вещи — что кому придется; девушка выходит за ворота и спрашивает имя первого прохожего — так будут звать жениха ее; подслушивают под окнами — и из этого выводят заключения; выливают олово, свинец, воск и проч.

Гадания гороскопические, со времени познания истинной планетной системы и течения миров, сами собой потеряли всякую цену. Не отвергая связи между землею с ее жителями и между планетами, луной и солнцем, невозможно, однако же, допустить какую-либо зависимость собственно судьбы или участи каждого из людей от взаимного стояния или сосложения земли нашей и других небесных тел. Тут нельзя найти и тени смысла.

Обо всех поименованных нами выше лицах, ворожеях и колдунах, ходит столько чудес по белу свету, что они всякому известны. Если какая-нибудь Ленорман могла дурачить в нынешнем веке весь Париж в течение десятков лет и оставить после себя огромное состояние, то нет ничего мудреного, что крестьяне

наши, а иногда, может быть, и какое-либо иное сословие, наклеиваются на эту же удочку. Иногда обман чрезвычайно прост, и не менее того для тех, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицер, будучи на съемке, заступился за хозяина своего, у которого ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрение падало на Карпа, которого, однако ж, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицер собрал мужиков в одну избу, объявив им, что у него есть волшебная стрелка, которая во всякой толпе отыщет вора и прямо на него укажет. Заставив всех мужиков наперед перекреститься, сложить шапки в кучу и повернуться по солнцу, он расставил их в избе, как ему нужно было, каждого порознь, вынул и раскрыл с разными околичностями компас свой, развертел пальцем стрелку и потом дал ей свободу; со страхом и ожиданием мужики глядели на волшебную стрелку, которая, к бесконечному изумлению их, указала прямо на Карпа, поставленного, как само собою разумеется, на север. Карп едва не обмер, пал в ноги и повинулся. Надобно, впрочем, сознаться, что из посвятивших себя этому промыслу людей попадают люди необыкновенные по способностям своим и что некоторые, действуя иногда чисто наугад, по темному, безотчетному чутью или чувству, нередко угадывают истину. Бесспорно, что ложь и обман гораздо чаще ими руководят; но сила воли, навык обращать все внимание свое на один предмет, сосредоточивать напряженные духовные силы по одному направлению, может быть, и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, бессознательно, как бы по вдохновению — возвышают людей этих временно над толпою и дают им средство угадывать и знать более обыкновенного. Впрочем, не говоря здесь об уловках, коими хитрые знахари, ворожеи и другие всезнайки пользуются, выспрашивая осторожно, окольными вопросами, о том, о чем нужно гадать, узнавая о том же через лазутчиков своих или посторонних людей, — знахари всех наименований иногда еще пользуются известными им по преданию тайными средствами, снадобьями и зельями разного рода, и тем производят мнимые чудеса. Примеры этому встретятся ниже, где, по слу-